

А.Ю. Бендин. кандидат исторических наук, доцент,  
Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла  
Белорусского государственного университета.

*Дорогое для истинно русских людей имя М.Н. Муравьёва, восстановившего в 1863 году в Северо-Западном крае достоинство и честь русского имени и возбудившего в древнем православном крае русскую культурную жизнь, было предметом злобы и чёрной клеветы для всех врагов России...Непростительно, что русские историки пренебрегали своим нравственным долгом и оставляли без внимания изучение крупнейшего события минувшего столетия – созданную М.Н. Муравьёвым и прожившую, к несчастью, менее пяти лет русскую народно-государственную систему управления Западной Россией и Литвой.*

*И.П. Корнилов.*

### **Граф М.Н. Муравьёв Виленский и национальное пробуждение белорусского народа в 60-е годы XIX в.**

#### ***Национальное движение белорусов как предмет исследования.***

Великие реформы 60-70-х гг., осуществлённые в годы правления императора Александра II, индустриализация и урбанизация 80-90-х, распространение грамотности, развитие школьного образования и печати привели к стремительному росту политической мобилизации многих этнических групп. Широкомасштабная модернизация практически всех сфер социального взаимодействия затронула и этнополитику. Вступив в стадию системной модернизации, Российская империя столкнулась с объективной неизбежностью и радикальных структурных преобразований, и не менее радикальной модификации политической культуры. Возникли новые напряжения в этнополитической структуре, порождённые политикой центра, переменами в позиции локальных элит и формированием оппозиционных массовых движений.<sup>1</sup> Появление национальных движений явилось следствием ускорившейся модернизации экономических и социальных отношений. По утверждению Э. Геллнера – национализм – это не пробуждение и самоутверждение мифических, якобы естественных и заранее заданных сообществ. Это, напротив, формирование новых сообществ, соответствующих современным условиям, хотя использующих в качестве сырья культурное, историческое и прочее наследие донационалистического мира<sup>2</sup>.

Развитие национальных движений в России мнению Б.Н.Миронова укладывается в схему, предложенную чешским историком М. Грохом для описания национальных движений в Центральной и Восточной Европе в XIX начале XX вв.: **в фазе пробуждения (фаза А)** возникает

интерес сравнительно небольшой группы национальной интеллигенции к языку, истории и фольклору определённого народа, определяются границы этнического группового пространства, идентифицируется материальная культура; **в фазе агитации (фаза В)** небольшая часть членов этнической группы, под влиянием схожих национальных движений распространяет национальное сознание в широких слоях данного народа и добивается решения, что диалект используется как базис для стандартного национального языка; наконец, **в фазе массового движения (фаза С)** данный народ в целом охватывается идеями национального самосознания и мобилизуется на борьбу сначала за автономию, а затем за независимость. Этническая группа становится нацией, и национальный язык распространяется среди её членов и постепенно разрабатывается. Таким образом, в каждом национальном движении была заложена, как мина замедленного действия, идея политического самоопределения, и если оно начиналось, то, как правило, развивалось до своего логического конца.<sup>3</sup>

Попытка последовательного применения схемы М.Гроха к описанию процесса становления национального движения белорусов в Северо-Западном крае ставит перед исследователем ряд вопросов.

Во-первых, кто выступил в качестве *субъекта* национального пробуждения (**Фаза А**)?

Во-вторых, почему начавшаяся в 60-е годы XIX в. социально-экономическая и культурная модернизация белорусского крестьянства Северо-Западного края приобрела национальное измерение, связанное с появлением **фазы В** ?

В-третьих, каково содержание идеологии, выступавшей в качестве инструмента формируемой этнической идентичности?

В-четвёртых, какую роль играл в этом процессе М.Н. Муравьёв, руководители администрации, архипастыри и пастыри Русской Православной Церкви?

Совокупность поставленных вопросов сводится в конечном итоге к главному: почему этнический национализм, характерный для ряда народов Империи (поляков, финнов, эстонцев, латышей, литовцев, грузин и армян) с его неотъемлемой антиимперской, русофобской и, за исключением грузин, антиправославной составляющей, в нашем случае оказался узко локальным феноменом, не способным к распространению в крестьянской среде, которая, как следует из опыта стран Центральной и Восточной Европы, выступает в качестве основной движущей силы процесса формирования нации. Этот локальный этнический национализм, представленный в начале XX столетия именами братьев А. и И. Луцкевичей, В.Ластовского, М.Довнар-Запольского, А.Цвикевича, Я.Лесика носил не столько политический, сколько культурный характер, не обладал националистическим дискурсом и способностью к националистической мобилизации крестьянских масс.<sup>4</sup>

Цель данной статьи состоит в исследовании комплекса политических, социокультурных и конфессионально-этнических

проблем Северо-Западного края, оказавших воздействие на формирование идеологической концепции реформ М.Н.Муравьёва а также механизма и инструментов реализации этой концепции в процессе модернизации православного крестьянства. Или иными словами, в выяснении того, почему процесс реформирования приобрёл для российской монархии референтное этнополитическое измерение, предопределившее в значительной степени содержание, динамику и выбор субъекта процессов конструирования этнической идентичности\* белорусского населения во второй половине XIX – начале XX вв?

Приступая к исследованию логики развития этноконфессиональной ситуации в регионе, необходимо отметить, что начатая монархией в 60-е годы XIX века социально-экономическая модернизация, связанная с отменой крепостного права и развитием рыночных отношений в крестьянской среде, в силу ряда причин, о которых будет сказано ниже, целенаправленно осуществлялась в Северо-Западном крае как процесс *деколонизации* этого региона России.

Инициированные российским правительством процессы деколонизации и модернизации вошли в историю как политика «русификации» или обрусения края.\* Поэтому содержание модернизационных процессов, их направление и стадийное развитие привели к результатам, противоречащим логике развития национальных движений, характерных для Австро-Венгерской и ряда народов Российской империи.

#### **«Русификация»: конкретизация понятия.**

Практика формирования этнической идентичности белорусов, вошедшая в историю как «западнорусское возрождение» 60-х гг. XIX в.,

---

\* В данном случае этничность рассматривается не с точки зрения объективизма а в качестве социально-организационного феномена. При этом используется предлагаемая российским этнологом В.А. Тишковым трактовка этничности, включающая в себя три основных положения:

- 1) Определяющая роль самоидентификации индивидов. Этническая принадлежность не дана им от рождения, но является результатом «предписания и самоопределения».
- 2) В формировании этнической идентичности значимыми являются только те характеристики, которые «используются для маркировки различий и групповых границ»; поиск неких объективных, в отличие от субъективных, или глубинных, в отличие от поверхностных, культурных свойств не имеет смысла.
- 3) «Ключевую роль в конструировании этничности играет политика этнического предпринимательства, т.е. мобилизация членов этнической группы со стороны лидеров». В.С. Малахов. «Проблемы изучения национализма и этничности в конструктивистской парадигме (на примере российского обществоведения последних десяти лет). Политическая наука. Национализм – новейшие исследования. Сб. науч. тр. Отв. ред. и сост. А.И. Миллер. – М., 2002. С. 122. , Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. – Изд. 2-е. - М., 1997.

\* В современной белоруской историографии термин «русификация» носит сугубо оценочный характер с ярко выраженным негативным оттенком. Например, реализация этого интеграционного проекта идеологически интерпретируется как насильственное подавление автохтонной белоруской этнокультуры и насаждение культуры инонациональной и иноязычной т. е. русской. При этом сознательно игнорируется тот факт, что узкоэтническое отождествление русских с великороссами произошло в результате советского нацистроительства. Следовательно такой подход к этой проблеме – наследие советской идеологии. В данном тексте это понятие как и понятие национализм используются в значении, общепринятом в западноевропейской гуманитарной науке, исключительно с целью обозначения определённых исторических явлений, а отнюдь не вынесения оценочных суждений

явилась результатом как чрезвычайной политики подавления и ограничения нелояльных по отношению к монархии представителей польской шляхты и католического духовенства так и ускоренной религиозно-культурной и языковой интеграции белорусов в состав этнической группы русских.

Этот первый эффективный опыт интеграции, вызванный чрезвычайными обстоятельствами польского восстания в регионе, ставшем объектом российского и польского соперничества привёл к тому, что политика, направленная на административную интеграцию национальных окраин в состав Империи стала всеобщей и форсированной и к ней добавилась культурно-языковая унификация в форме «русификации». Эта политика была созвучна настроениям, преобладавшим в русском обществе, а также пробудившемуся русскому национальному самосознанию, и в свою очередь способствовала его мобилизации.<sup>5</sup>

В этот период этноним «русские» в государственном, церковном и общественном понимании означал общее название всех трёх восточнославянских народов: великороссов, малороссов и белорусов. Между великороссами, малороссами и белорусами не было чётких этнических границ, существовали широкие диалектные и культурно-бытовые переходные зоны. Благодаря первенствующему значению православной идентификации этноним «русские» носил *инклюзивный* (расширительный) характер, не замыкаясь на узко этнической составляющей. Вероисповедание в пореформенный период являлось важнейшим культурным признаком, определявшим групповую идентичность. Конфессиональная и этно-языковая идентичность были тесно взаимосвязаны. Поэтому понятия «русский» и «православный» считались синонимами, несмотря на то, что православными были и представители нерусских этнических групп. Русская Православная Церковь, активно выступавшая во второй половине XIX в. как русская национальная сила, традиционно подчеркивала идентификационную связь между вероисповеданием и этничностью. «Русский человек остаётся русским пока держится Православия, но он становится поляком, татаринном, немцем и т.д., как скоро принимает римско-католичество, магометанство, лютеранство и т.п».<sup>6</sup>

Вслед за религиозным вероисповеданием следующее по важности значение как фактор идентификации имел язык. Языки населения России в дореформенный период в общих чертах можно разделить на две группы: 1. это языки, на которых писали и говорили представители высших слоёв и которые были носителями высокой культуры; и 2. языки, не имевшие письменности, на которых говорили только низы, находившиеся под господством иноязычных элит. Все письменные языки нерусских элит были признаны в России: к ним относился и польский язык. Эти языки преподавались в школах различной ступени, и на них выпускалась также печатная продукция... Вместо того, чтобы проводить русификацию нерусских, российские чиновники допускали то, что

нерусские элиты, такие как поляки, балтийские немцы и татары, полонизировали, германизировали и татаризировали зависимое от них нерусское (в случае с поляками белорусское – А.Б.) население.<sup>7</sup>

Общая идентичность русского населения государства обеспечивалась подданством Российского императора, Православием, исторической памятью и русским языком, включавшим великорусское, белорусское и малороссийское наречия. Вместе с тем подданный Российской империи имел не одну, но множество ситуативных выражений своей идентичности. И для средних и низших слоёв населения их принадлежность к сословно-социальной группе, к региону и к общине верующих играли более важную роль, чем их принадлежность к тому или иному этносу.<sup>8</sup>

Следуя методологии А.Каппелера, можно сделать заключение, что идентификация белорусов во второй половине XIX в. складывалась из нескольких «ситуативных выражений»: локального, социального, вероисповедного и связанного с ним этноязыкового, а также общероссийского, имперского. Особенностью этноконфессиональной ситуации в Северо-Западном крае являлось разделение вероисповедной и этноязыковой идентичности, характерное для католической части автохтонного населения. Об этом свидетельствуют статистические данные о религиозно-этническом составе населения белорусских губерний, собранные в конце 50-х начале 60-х гг. XIX в. в канцелярии заведующего устройством православных храмов в Западных губерниях Министерства внутренних дел Российской империи, действительного статского советника П.Н. Батюшкова. Составители Атласа в соответствии с традиционными культурными критериями включили в этническую группу русских малороссов, великороссов, белоруссов и чернороссов. Статистические данные о конфессиональной принадлежности белорусов выглядят следующим образом.

Белорусы	Православные	Католики
Могилёвская губерния.	736.897	16.754
Витебская губерния.	442.614	30.439
Минская губерния.	634.450	7.354
Гродненская губерния.	384.460	118.823
Виленская губерния.	147.504	270.785 <sup>9</sup>

Таким образом, для государственных институтов Империи на рубеже 50-60 гг. XIX в. принцип группирования населения по культурному признаку

предполагал двойную идентификацию по вертикали. Белорус – православный русский или католик русский, говорящий на белорусском наречии.\*

В административно-правовой и конфессиональной практике действовал *религиозно-генетический критерий* этнической идентификации, так как этничность понималась в качестве религиозно-исторического феномена, укоренённого в культуре, в языке, ментальности и т.д. Для исследования поставленных нами вопросов важно отметить, что этническая идентичность белорусов, т.е. самосознание данной этнической группы и этничность – определяемая в качестве религиозно-исторического феномена (происхождение и вера предков, место рождения, язык, культура), с точки зрения идеологии русского национализма, официального и публичного дискурса чиновников и духовенства\* *должны* были совпадать. Показательными примерами такого мышления служат рапорты православного духовенства в 60-е годы XIXв., в которых сообщается о фактах перехода крестьян из Католицизма в Православие под воздействием проводимых с ними бесед о том, что: «Здесь край, искони русский, искони православный, ополячен, и что нужно со стороны здешних жителей, чтобы и Православие и русская народность восстали здесь в прежней силе».<sup>10</sup>

Следовательно, появление белорусов-католиков в древнем православном крае расценивалось как негативный результат польской этнорелигиозной ассимиляции коренного населения, терявшего в итоге свою естественную западнорусскую или белорусскую идентификацию. В соответствии с существовавшими в обществоведении объективными критериями этничности, белорусы рассматривались в качестве «русской народности», которая в силу исторических и политических причин переживала кризис самоидентификации, утрату этнического самосознания.

Поэтому в качестве идейного побудительного мотива «русификации», характерного для русского национализма, следует назвать требование восстановления исторической справедливости по отношению к белорусам со стороны российского правительства и общественного мнения. Как отмечал в начале 60-х гг. XIXв. известный российский публицист В.Ф.Гильфердинг: «Источник польского вопроса

---

\* По замечанию известного литовского исследователя Д. Сталюнаса, к середине XIX в уместно говорить о «континууме диалектов», но по привычке употребляют термин белорусский язык. Сталюнас Д. Границы в пограничье: белорусы и этнолингвистическая политика Российской империи на западных границах в период великих реформ. – *Ab imperio*. 2003. №1. С.263.

\* Польское восстание 1863-1864 гг., явилось катализатором становления нового русского национализма. Его ведущими идеологами стали публицисты М.Н. Катков, Ю.Ф.Самарин, И.С. Аксаков, В.Ф. Гильфердинг, выступавшие в таких изданиях как «Московские ведомости», «Русский вестник», «День» и др. Сторонниками национализма являлась часть российской элиты, интеллигенции и формирующегося среднего городского слоя. Особенностью идеологии нового русского национализма стала его ведущая интегральная компонента. Содержание её заключалось в принципах этнической солидарности великороссов с белорусами и малороссами, в последовательной и эффективной интеграции исторически русских земель Северо-Западного края в состав России.

находится в западных губерниях, в господстве там польского шляхетского меньшинства над русской народностью и только тогда, когда этого господства не станет и надежда на его возврат пройдёт, только тогда, говорим мы, но не прежде, польский вопрос перестанет быть неразрешённым. Разве мы не платим в настоящее время, за вину тех поколений, которые презрев русскую народность в Западной Руси, оставили её под ногами польской шляхты и тем питая притязания поляков на возвращение «забранного края»... Подавление вооружённого восстания есть только и самое лёгкое начало дела, дело будет собственно впереди, дело возвращения русской народности в Западной Руси того значения, которое ей принадлежит по праву. Дело это потребует постоянного участия всего русского общества в дружном содействии правительству. Оно потребует не столько действий *против* польского элемента, сколько действий в *пользу* русского народа». <sup>11</sup>

В Северо-Западном крае системная политика «русификации», наиболее интенсивный период которой выпадает на 60-годы и связан с именем М.Н. Муравьёва, генерал-губернатора Виленской, Ковенской, Гродненской, и Минской и главного начальника Витебской и Могилёвской губерний и его преемников-единомышленников, была вызвана причинами конфликтного характера и носила чрезвычайный характер, цели которой заключались в следующем:

- в выделении края в качестве особого региона, социально-политическая ситуация в котором рассматривалась как фактор дестабилизации «имперской этнополитической конструкции»; <sup>12</sup>
- в преодолении польского социально-экономического и религиозно-культурного доминирования в регионе;
- в идеологически мотивированной политике формирования массовой социальной базы монархии в регионе с преимущественно белорусским составом населения;
- в создании национально ангажированной западнорусской интеллектуальной и культурной элиты в научных учреждениях, образовательных структурах Виленского учебного округа и местной периодической печати;
- в качественном повышении конфессионального и социального престижа Православной Церкви, активизация её социальной миссии в национальном и культурном строительстве;
- в осуществлении социально-экономической и культурно-языковой интеграции белорусов в общерусское этническое пространство.

Таким образом речь шла о практике *конструирования* этнической идентичности православного населения края, осуществляемого коронной администрацией Империи в рамках регионального интеграционного проекта.

### ***Колониальная элита и религиозно-этнический национализм.***

Основополагающим фактором для понимания процессов национальной модернизации белорусов Северо-Западного края явилось различие между «старыми» и «молодыми» народами. «У первых существовали собственная дворянская элита и прочные традиции как государственности, так и общей и языковой культуры (поляки, грузины, волжские и крымские татары, азербайджанцы и др.). Русские (великороссы) были «старой» нацией со своим дворянством, высокой профессиональной культурой, литературным языком и, в отличие от других этносов империи – со своим государством. Вторые из-за отсутствия собственной элиты, а нередко и средних городских слоёв обладали незавершённой социальной структурой; у них либо никогда не было своей государственности, либо она была разрушена в начале нового времени; они не располагали своим литературным языком и высоко развитой культурой. «Старые» народы были дворянскими, «молодые» - «крестьянскими», над последними господствовали дворянские элиты другой национальности. В Российской империи к «молодым» народам относились большинство этнических групп – украинцы, белорусы, литовцы, эстонцы, латыши, финны, чуваша, якуты и др.... Соответственно своему положению и уровню развития «старые» и «молодые» народы, а также диаспоры выдвигали различные программы. Первые, руководимые дворянством, с самого начала стремились к восстановлению своей государственности, вторые под руководством лидеров из крестьянской среды – к созданию полноценной социальной структуры, развитию собственной высокой культуры и достижению национально-культурной автономии.<sup>13</sup>

В Северо-западном крае польско-католическое меньшинство в лице дворянско-чиновничьей элиты по отношению к православно-крестьянскому большинству выступало в качестве доминирующей группы. Эта группа, обладавшая высоким социальным статусом (права российского дворянства и городского сословия) представляла «старый» или «дворянский» народ, обладавший тысячелетней традицией государственности, имевший богатую историю и культуру, развитый литературный язык, традиционно господствующее положение Римско-католической Церкви, которая воспринималась как национально польская, а сам католицизм идентифицировался в глазах поляков и русских как польская, «панская» вера. Религиозная идентификация, воспринимаемая в качестве маркера идентификации этнической при решении межконфессиональных вопросов была характерна не только для обыденного сознания но и для идеологии правящей российской элиты.<sup>14</sup>

В свою очередь поляки католики рассматривали Православную веру не только в качестве «схизмы» но и веры «хлопской», русской – то есть простонародной и не имевшей социокультурного статуса. Совокупность данных обстоятельств наделяло польскую элиту чувством религиозно-культурного, *европейского* превосходства над русскими вообще и белорусами в частности, доходящим до нетерпимости. Политическое



господство Российской империи представлялось для польского дворянства и духовенства неприемлемым с точки зрения политической, сословной, национальной, религиозной и культурной. Поэтому процесс интеграции польского дворянства и духовенства в состав имперских привилегированных сословий предполагавший признание не только династической лояльности, но и вхождения в общероссийское культурное и политическое пространство, оказался весьма сложным и не привёл к значимым результатам. Права и привилегии Римско-католической церкви и польского дворянства, полученные ими в соответствии с сословно-религиозным законодательством Российского государства, в условиях утраты суверенитета воспринимались как форма национального угнетения. Стойкая приверженность к автохтонным, национально-политическим и религиозно-культурным традициям вступала в конфликт с интеграционной политикой Империи. Поэтому реставрация утраченного суверенитета, потеря которого воспринималась как национальная трагедия и возвращение западнорусских земель с многочисленным православным населением в состав польской государственности стали главными мотивами политической ирреденты, направленной против территориального единства Российской империи.

Польское восстание 1830-1831 гг., в котором приняло участие и католическое духовенство, вынудило российское правительство Николая I рассматривать его как движущую силу мятежного польского национализма. Неприятие ограничений, налагаемых российским правительством на миссионерскую деятельность духовенства, недовольство упразднением Греко-католической Церкви на территории Западного края, тесная связь польского национализма с католицизмом, который в силу данного обстоятельства можно охарактеризовать как религиозно-этнический национализм, обусловили особую роль конфессионального фактора в обострении политической ситуации в регионе.

Участие католического духовенства в польском восстании 1863-1864 гг., а также постоянный, тайный и явный прозелитизм с целью религиозно-культурной ассимиляции православного населения, недопустимый нормами имперского законодательства о веротерпимости, привели к тому, что российское правительство вынуждено было рассматривать его как политическую силу, инициирующую польский сепаратизм и настаивать на соблюдении законодательных норм о запрещении его прозелитической деятельности. Поэтому, как следует из отчёта Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД 1882 г., вследствие «последнего польского восстания, внимание департамента было исключительно обращено на вопросы польско-католические, представляющие несомненно первостепенную важность для государства.... Численность католического населения, географическое его распределение, солидарность с одноплеменными частями иностранных государств, высшая культура и историческое прошлое, всё это само по себе составляет такие явления, с которыми нельзя будет не считаться в течение многих десятилетий, но они

получают ещё большее политическое значение вследствие тесной связи их с Римской Церковью, организмом, приспособленным к постоянной борьбе с прочими вероисповеданиями и руководимым почти всегда твёрдою и умелою рукою...В течение многих лет почти вся в этой сфере правительственная деятельность и энергия были направлены исключительно на борьбу с католицизмом».<sup>15</sup> Следует отметить, что выступая в качестве субъекта религиозной и этнокультурной ассимиляции православного населения, польское духовенство действовало в соответствии с эксклюзивной эклезиологией Католической Церкви, которая одну себя считала истинной и единоспасительной и вменяла в обязанность духовенству осуществлять миссионерскую деятельность среди схизматиков-православных.<sup>16</sup>

Генерал-губернатор Северо-Западного края М.Н.Муравьёв, оценивая деятельность католического духовенства, писал во Всеподданнейшем отчёте 1865г. : «Вера того края (т.е.Католицизм) не есть вера, а политическая ересь; а римско-католические епископы, ксендзы и монахи не составляют духовенства, а политических эмиссаров, проповедующих вражду к русскому правительству и ко всему, что только носит название русского и православного».<sup>17</sup>

#### ***Положение крестьянства и проблемы этнической идентификации.***

Польская социальная элита, утратившая политическую власть над западнорусскими землями, приобрела в соответствии с законодательством Империи в своей ведущей группе сословный статус российского дворянства, сохраняя тем самым социально-экономическое и религиозно культурное доминирование над крестьянским (до 1861г. крепостным) населением края. Различия между доминирующим меньшинством и крестьянским большинством имели сословный, конфессиональный, культурный и частью этнический характер, то есть имелись признаки колониальной ситуации, для которой определяющим является не отношения к средствам производства, конституирующее классы в индустриальном обществе, но отношение к знакам различий, конституирующим власть. Колониальная ситуация основана на культурной дистанции между теми, кто осуществляет власть, и теми, кто подвергается эксплуатации. Нет культурной дистанции – нет колониальной эксплуатации. Эта дистанция маркируется разными средствами – расовыми, этническими, лингвистическими, религиозными, юридическими, одним словом, культурными.<sup>18</sup>

Наличие необходимой (в связи с указанными критериями) культурной дистанции при сохранении социально-экономического, национального, и в известной степени, религиозного господства польско-католической элиты (в форме сословно-этнического владения крупной земельной собственностью и экономической поддержки Костёла) над православным крестьянским большинством, делают возможным, характеризовать Северо-Западный край накануне восстания 1863г. в

качестве региона, по прежнему сохранявшего основные признаки *внутрироссийской польской колонии*.

Православное население Северо-Западного края выступало в качестве «молодого» или «крестьянского» народа, который утратил свою дворянскую элиту в XVI – XVII вв. Социальная, религиозная и культурная ассимиляция западнорусской православной элиты осуществлялась в результате перехода из Православия в Католицизм и восприятия польской веры и культуры в качестве высоко престижных и социально мобильных в сравнении с западнорусской, подвергавшейся дискриминации в Речи Посполитой. Местная полонизированная шляхта и католическое духовенство как и представители этих сословий в Царстве Польском, в восстаниях 1830-1831гг, и 1863-1864гг, преследовали цель упрочения политических условий своего колониального господства в Западном крае в польско-российских границах 1772г.\*

В свою очередь Греко-католическая Церковь, вытеснявшая Православие с помощью мер государственно-конфессионального принуждения и утвердившаяся на западнорусских землях ВКЛ в XVII - первой половине XVIII вв.,<sup>19</sup> в польском обществе обладала низким культурным и социальным статусом, так как по составу своей паствы являлась представителем низших социальных слоёв, в основном крепостного крестьянства. В униатской Церкви, выступавшей в качестве переходной формы религиозно-культурной ассимиляции белорусского населения в начале XIX в. выделились два направления: первое готово было латинизироваться или вообще перейти в латинскую Церковь, второе хотело не только удержать церковную форму унии, но и ещё больше приблизить её к восточному обряду.<sup>20</sup>

Переход из унии в Римско-католическую Церковь латинского обряда, осуществлявшийся в конце XVIII первой четверти XIX вв, приводил к постепенному утверждению польской религиозно-этнической идентификации в белорусской крестьянской среде. Воссоединение униатов с Православием в 1839 г. привело к конфессиональному размежеванию этнически и культурно однородного крестьянства. Новые конфессиональные границы между Православием и Католицизмом утверждались в Северо-Западном крае в качестве линии этнической демаркации между белорусским большинством и меньшинством,

---

\* В свою очередь основополагающий тезис русского интегрального национализма звучал следующим образом: «В коллизии этих двух прав: права Польши на её исторические границы и прав западнорусского народа на его принадлежность к Всероссийской империи и заключается для нас сущность польского вопроса». Сборник статей разъясняющих польское дело в Северо-Западном крае. Выпуск II. Сост.С.В. Шолкович. – Вильна., 1887. С.V.

Подтверждением этого тезиса служат слова В.Ф. Гильфердинга: «Ненависть к нам славянского народа, соединённого с нами под одной властью, - ненависть, являющаяся отрицанием всех наших народных начал, истекает из притязаний поляков на Западную Русь, которым мы удовлетворить не можем...Отвоевать Западную Русь – вот что составляло с самого начала главную, существенную задачу всего польского движения. Точка опоры была Варшава, но цель – Вильна и Киев». Гильфердинг В.Ф. В чём искать разрешение польскому вопросу. // Сборник статей разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Выпуск I-й. Составил и издал С. Шолкович. Вильна. 1885. С.34-35.

постепенно обретающим польскую религиозно-этническую идентичность. Проведение этих границ создавало для государства и двух конкурирующих конфессий объективные критерии принадлежности подданных к разным этническим группам, так как в регионах со смешанным православно-католическим населением, этнические идентичности зависели в первую очередь от *религиозного фактора*.

Как отмечает Д. Сталюнас: «В начале 60-х гг., чиновники МВД при обработке данных национальной статистики обнаружили, что “племенное происхождение”...в низших сословиях затемнялось религиозным различием. Бытовало мнение, что и сами крестьяне так определяли свою национальную принадлежность...Очень часто при определении национальной принадлежности крестьян главным критерием служила конфессия. Католики считались поляками (или, по крайней мере, “потенциальными поляками”), а православные – русскими (“потенциально русскими”).<sup>21</sup>

В частности, в ситуации, характерной для Белоруссии переход униатов в Православие реконструировал их общерусскую идентичность, а переход в латинский обряд – постепенно формировал польскую, расширяя тем самым социальную базу доминирующей группы. Прежние этнорелигиозные отношения между греко-католиками и римо-католиками, происходившие в границах одной Церкви, и которые можно охарактеризовать как *переходные*, после Полоцкого собора 1839г., упразднившего унию, начали трансформироваться уже в качестве межконфессиональных, в *стыковые*, потенциально конфликтные. Именно эта, неустойчивая в своей идентичности неграмотная крестьянская среда, явилась объектом польско-католической экспансии, нашедшей своё радикальное выражение в вооружённом мятеже 1863г.\*

Мятеж польской шляхты против Российской государственности, отмеченный вооружённым террором против верных присяге представителей администрации, православного духовенства и мирного населения в своих идейно-психологических основах носил агрессивно русофобский и антиправославный характер. Реальные территориально-политические цели сепаратистов-мятежников\*\* из состава местной шляхты (независимость *политического* народа Речи Посполитой), их социальный, этнический и конфессиональный состав, тактика террора

---

\* События в Северо-Западном крае можно квалифицировать как вооружённый мятеж польской шляхты против российского государства. Представители этой шляхты присягали на верность российскому императору, многие из них получили права и привилегии российского дворянства. Следовательно, эти люди признавали легитимность государственной власти, а значит и неприкосновенность границ Российской империи. Поэтому попытку вооружённых сепаратистов насильственно пересмотреть границы государства можно с полным основанием расценивать как мятеж.

\*\* В качестве мятежников мы определяем тех, кто принимал участие в вооружённых столкновениях с правительственными войсками или призывал население к мятежу против государства. Террористы – это те, кто совершал убийства мирных жителей с целью устрашения - в качестве жандармов-вешателей или палачей-добровольцев. Террорист и мятежник могли выступать и в одном лице. За государственные преступления по приговорам суда было казнено 128 мятежников и террористов.

против мирного белорусского населения, приведшая к многочисленным жертвам (свыше 600 человек), социальный и этноконфессиональный состав жертв этого террора (православные крестьяне и мещане, представители местной администрации и духовенства),<sup>22</sup> свидетельствуют о польском характере мятежа в Северо-Западном крае. А революционный террор, осуществляемый сторонниками Калиновского по отношению к местному населению, следует рассматривать в качестве инструмента развязывания локальной религиозно-этнической гражданской войны. Неудивительно, что террористические акции, осуществляемые шляхетскими карательными отрядами «жандармов-вешателей» и «кинжальщиков» вызвал появление «инициативного субъекта антитеррора» в лице православного белорусского крестьянства и русских старообрядцев, принявших непосредственное участие в подавлении мятежа 1863г.<sup>23</sup> Благодаря решительным и эффективным мерам генерал-губернатора М.Н. Муравьёва польский вооружённый мятеж в Северо-Западном крае не получил широкого распространения и к осени 1863г., без применения массовых репрессий, был подавлен. Из более чем 77000 участников антигосударственных выступлений различного рода уголовным преследованиям подверглось от 16% до 17,5% от общего числа сепаратистов.<sup>24</sup>

***Модернизационный проект М.Н. Муравьёва: идеология и практика интеграции.***

Стихийный подъём национального русского самосознания в православной крестьянской среде, вызванный отменой крепостного права, подавлением польского мятежа и общим ослаблением доминирующего положения польского землевладения и Римско-католической Церкви явился для администрации М.Н. Муравьёва и его преемников объективным условием для реализации программы социокультурной модернизации, динамичный характер которой был обусловлен конфликтными аспектами конфессионально-этнических и социально-политических отношений в крае.

Опережающая модернизация (в первую очередь Польши) привела к формированию здесь ... протонациональных сообществ, развернувших борьбу за эмансипацию от имперского господства – уже не под сословными или локально-территориальными, но именно национальными знамёнами, что и стало главной угрозой политической стабильности России .... Это объясняется тем, что польская шляхта к началу XIX в. по ряду причин уже подверглась достаточно интенсивной национальной политической мобилизации; таким образом «польское национальное движение не нуждалось в фазе «А», оно прямо перешло в фазу «В».<sup>25</sup>

Вытекающее из этой ситуации стадийное различие в уровне этнической мобилизации между поляками с одной стороны, и белорусами, ещё не вступившими в фазу «А» с другой, явилось свидетельством того, что для коронной администрации М.Н.Муравьёва, верность Православию и имперский династический патриотизм крестьянства как низшего социального сословия, представлялись

недостаточными для формирования социально активной и массовой лояльности Империи перед вызовом агрессивного религиозно-этнического национализма польской социально-культурной элиты.

Вооружённый мятеж, организованный на территории Северо-Западного края, потребовал от администрации М.Н.Муравьёва на первом этапе её деятельности (с мая 1863г. по апрель 1864г) активного применения «военно-полицейских» методов управления в качестве наиболее адекватной политики, осуществляемой в чрезвычайной ситуации. Второй этап деятельности администрации (с апреля 1864 по март 1865г) можно определить как разработку и реализацию инновационного проекта интеграции региона в состав Российской империи. Его инновационность была обусловлена не только вооружённым выступлением и террором экстремистских группировок, но и той социально-экономической, этно-конфессиональной и культурной ситуацией, способствовавшей возникновению мятежа.

С точки зрения М.Н.Муравьёва, политический вызов польской шляхты и католического духовенства стал возможен потому, что представители этих привилегированных сословий использовали административные, корпоративные и образовательные структуры Империи для своей социальной и национальной мобилизации. Тем самым инокультурная, иноконфессиональная и политически нелояльная социальная элита являлась *главным объектом модернизации*, осуществляемой российским правительством в регионе вплоть до 1863г. Крупномасштабный инновационный проект М.Н.Муравьёва, осуществляемый в Северо-Западном крае вступал в противоречие с основными принципами традиционной этнополитики Российской империи на инкорпорированных территориях.\*

Вызов польского этнического сепаратизма был не только политическим, но и социально-экономическим, культурным и религиозным, т.е. национально мобилизационным, *стадиально опережающим* и, в силу этого, *экспансионистским*. Этот проект преследовал двоякую цель – интеграцию Северо-западного края в состав Царства Польского и аннексию этого региона у Российского государства. Поэтому ответ администрации М.Н. Муравьёва приобретал адекватный характер, т.е. включал комплекс *ассиметричных* административных мер по социальной и национальной мобилизации православных белорусов. В ситуации, когда среди крестьянского населения преобладающей являлась традиционная, сословно-локальная идентификация,

---

\* Первым основным принципом на инкорпорированных территориях являлось сохранение существовавшего до вхождения в состав России административного порядка, местных законов и учреждений, отношений земельной собственности, верований, языка и культуры. ...Вторым, после уважения статус-кво, краеугольным принципом национальной политики являлось широкое сотрудничество имперского правительства с нерусскими элитами, которые в большинстве своем получали права русского дворянства, что облегчало для центральной власти управление новой территорией. Б.Н. Миронов. Социальная история России периода империи. (XVIII –нач. XX вв.) т.1. – СПб., 1999.с.30.

необходимость *конструирования* русского этнического самосознания в крестьянской среде рассматривалась в качестве *императивной*.

Целенаправленная ставка администрации на конструирование общерусского национального самосознания в его конфессионально-этнической плоскости свидетельствовала о том, что новая политическая практика вступала в противоречие с традицией взаимоотношений центральной власти с периферийными элитами в государстве, которое в принципе держалось за донациональный сословно-династический имперский патриотизм.<sup>26</sup>

Концепция осуществлённой графом М.Н.Муравьёвым системы мер по подавлению мятежа и программы реформ, соответствующих модернизаторским критериям (образование, социально-экономическая и административно-правовая эмансипация) представляет собой *форму* идеологии русского интегрального национализма, в качестве идеологов которого выступали М.Н. Катков и В.Ф.Гильфердинг. Особый характер этого национализма предполагал двоякую цель - национальную мобилизацию крестьянства на основе конструирования его религиозно-этнической самоидентификации как «русской народности» и упрочении тем самым его политической лояльности к правящей династии Романовых. Таким образом, русский интегральный национализм становился инструментом социокультурной и экономической *эмансипации* белорусского крестьянства.

Основные положения русского национального проекта интеграции края в состав Российской империи были изложены в политических записках графа Михаила Николаевича Муравьёва Виленского от 14 мая 1864г., и от 5 апреля 1865г.

М. Н. Муравьёв определяет главные политические принципы, которыми следует руководствоваться правительству в данном регионе:

- окончательное признание Северо-Западного края русской территорией в соответствии с историческими, политическими и религиозно-этническими критериями;
- жесткое и последовательное ограничение польского социально-экономического доминирования и религиозно-культурной экспансии;
- утверждение русского национального самосознания в крестьянской среде как необходимое условие сохранения края в составе России;
- усиление позиций Русской Церкви в качестве гаранта сохранения и развития вероисповедной и этнокультурной идентичности православных белорусов;
- приоритетное внимание проблемам координирования религиозной, образовательной, этно-культурной и социально-экономической политики в интересах низших социальных слоёв – крестьянства.

Для реализации этих принципов был предложена система мер, которые в их совокупности можно определить как конкретную программу социально-

экономической и культурной модернизации белорусского православного крестьянства. Содержание этой системы свидетельствует о том, что имперская политика в этом регионе радикально меняет свои приоритеты. Прежние политико-стратегические задачи сохранения российского господства, реализация которых предусматривала компромиссные отношения с польской землевладельческой элитой и Римско-католической Церковью на основе сословной солидарности и принципов имперской веротерпимости, приобретали новое социально-этническое и конфессиональное измерение. Радикальная перемена традиционных приоритетов в пользу православного крестьянства и Русской Церкви определила новый вектор политической стратегии и тактики, которые были направлены на ускорение процессов интеграции белорусов в общерусское религиозно-культурное и этническое пространство. Границы этого пространства внутри Империи совпадали в основном с конфессиональными границами Русской Церкви.

Программа содержала целостный анализ ситуации, сложившейся в Северо-Западном регионе и предлагала комплекс мер стратегического и тактического характера, из которых необходимо выделить следующие:

- меры по осуществлению социально-экономической эмансипации крестьянства от сохранявшихся элементов крепостного права, цель которых - в достижении полной экономической независимости от польских помещиков-землевладельцев на условиях более выгодных, нежели у крестьян центральной России, увеличении земельных наделов и повышении интенсивности труда в новых условиях, в развитии крестьянского самоуправления;

- меры по устройству системы церковноприходского образования в сельской местности, обучение в которой должно осуществляться главным образом представителями православного духовенства, созданию для крестьянства широкой сети народных школ и уездных училищ, изучению русского в качестве общеимперского языка социальной коммуникации и церковно-славянского как богослужебного языка Русской Церкви;

- меры по идейной и кадровой реорганизации гимназий, прогимназий и трёхклассных училищ, дававших среднее образование представителям политически нелояльной шляхты и воспитывавших их в традициях польского сепаратизма, а также системы подготовки учителей разных уровней в заведениях последовательно русские по обучению и воспитанию. Особое внимание обращалось на преподавания русской истории и, в частности, истории Западной России как в начальных так и средних учебных заведениях;\*

---

\* Для преодоления доминирующего положения польской культуры с ее высокоразвитым литературным языком народное образование (светское и церковное), по проекту графа Н.М.Муравьева, должно было строиться на основе изучения русского и церковнославянского языков. Русский в качестве языка обучения и преподавания не вытеснял локальный белорусский в качестве автохтонного наречия, но служил средством социальной мобильности белорусов как язык общеимперской и общерусской коммуникации, то есть выступал как инструмент национальной модернизации. Церковнославянский язык изучался как богослужебный язык Русской Церкви. Белорусское наречие оставалось средством



-меры по повышению материального положения, образовательного и социального статуса православного духовенства, государственное и частное финансирование широкомасштабной программы строительства и реконструкции храмов, восстановление древних православных святынь, приобретению церковной утвари и богослужебных книг;

- меры по ограничению прозелитической экспансии католического духовенства, упразднение монастырей и костёлов, принимавших участие в мятеже, усиление административного контроля над процессом строительства новых костёлов и каплиц, обучением и распределением ксендзов по приходам;\*

-меры по административно-правовой и культурно-языковой интеграции края в состав Империи, утверждению русского языка как инструмента социальной мобильности белорусов, усилению контроля над чиновниками-поляками и замещение их чиновниками-русскими, установлению таможенных границ между Царством Польским и Северо-Западным краем с целью территориально-этнического размежевания белорусов и поляков;

-меры по изъятию из края политических преступников и высылке их на долгие сроки в отдалённые места Империи, конфискации имений

локальной коммуникации в крестьянской среде. В условиях, когда на территории Северо-Западного края противостояли друг другу два проекта национального строительства, конкурентоспособным и социально престижным по отношению к польскому языку мог быть только русский как язык развитой дворянской культуры. Использование польскими националистами белорусскоязычных изданий печатанных на латинице в качестве альтернативных изданиям русским, заставляло администрацию рассматривать этот издательский проект как акцию политически оппозиционную и прибегать к запретительной практике. «Русское дело на окраинах». Сборник статей разъясняющих польское дело в Северо-Западном крае. Выпуск II. Сост.С.В. Шолкович. – Вильна., 1887. С.447. Следует особо подчеркнуть, что официального запрета на издание белорусскоязычной литературы на кириллице *никогда* не существовало. Сталюнас Д. Границы в пограничье: белорусы и этнолингвистическая политика Российской империи на западных границах в период великих реформ. – *Ab imperio*. 2003. №1.С.261-292.

\*Ограничительные меры, предпринятые администрацией М.Н. Муравьёва по отношению к Римско-католической церкви в Северо-Западном крае были продолжены при его приемнике К.П. Кауфмане. Председатель Ревизионной комиссии по делам римско-католического духовенства Северо-Западного края А. Стороженко в «Записке» Генерал-Губернатору в декабре 1866г. объяснял необходимость продолжения такой политики следующим образом: «Религиозный вопрос здешнего края, вопрос о местном католицизме представляется одним из главнейших и первостепеннейших вопросов, подлежащих разрешению правительства при стремлении к обрусению края. Местный Католицизм представляет собою такие особенности, так отличается своим характером от других иноверческих исповеданий России, что отношения правительства к сим последним никоим образом не могут служить образцом для отношений его к местному католицизму.

Особенность здешнего католицизма заключается в его политическом характере и в стремлении к расширению и религиозной пропаганде. Такой характер католицизма здешнего края присущ ему издавна. Католицизм с первого появления его в здешнем крае явился главнейшим рычагом и пособником полонизации. Это обусловило политическую враждебность русскому государству и русским началам. Кроме того, здешний край является пунктом встречи католицизма как религии Запада с православием Востока, театром их борьбы. Здесь столкнулись они лицом к лицу и борются из-за господства и дальнейшего развития. Это определило собою религиозную враждебность здешнего католицизма и православия.

Оборонить Православную церковь от посягательств на неё Латинства, - обеспечить государство от всего политически вредного и разлагающего, что включил в себя, несвойственно своему религиозному значению, католицизм, - вот непреложные и неминуемые задачи правительства по отношению к здешнему католицизму. Государственный исторический архив Литвы (ГИАЛ) Ф.378. оп. 1866, д.1340.л. 61.

осуждённых мятежников, постоянному пресечению администрацией пропаганды польского сепаратизма.<sup>27</sup>

Реализация основных положений программы интеграционной политики, разработанной М.Н.Муравьёвым, вызвала сопротивление на правительственном уровне и не нашла полной поддержки императора Александра II, министра внутренних дел графа П.А. Валуева и в Западном комитете.<sup>28</sup> Проект Виленского генерал-губернатора представлялся оппонентам М.Н. Муравьёва чересчур радикальным, не соответствующим как прежним донациональным практикам имперского управления в регионе, так и современному либеральному курсу правительства. Сам же генерал-губернатор, благодаря своим личным дарованиям и убеждениям, сыграл выдающуюся роль национального русского лидера, совершенно неожиданную для имперского бюрократа. Он не мог не вызвать к себе отрицательного отношения в либеральных правительственных кругах Санкт-Петербурга. Либеральная критика упрекала М.Н.Муравьёва во властолюбии, жестокости и непреклонности по отношению к полякам. Но она не учитывала той степени опасности для целостности государства, которую представлял собой польский национализм и, что весьма важно, недооценивала принципиальную новизну вызова национальных движений, появившихся в России в 1863г. Ответ на польский вызов, сделанный М.Н. Муравьёвым в Северо-Западном крае, продемонстрировал, что его политический курс не только выражал суть нарождавшихся процессов национального пробуждения русских, но и являлся ведущим создателем этих процессов. Тем самым этот выдающийся политический деятель, крупный и талантливый администратор Российской империи стал творцом национального пробуждения белорусского народа, самой влиятельной и судьбоносной личностью в его истории XIX века.

В конечном итоге, национально-политический курс коронной администрации на *ускоренную* этнокультурную интеграцию был постепенно откорректирован и приобрёл менее интенсивную, но устойчивую динамику. Произошло возвращение (разумеется, в известных пределах) к традиционной политике компромисса с региональной польской элитой. Однако основные механизмы социокультурной и экономической модернизации крестьянства, созданные Виленским генерал-губернатором, не смотря на короткий срок их наиболее активного функционирования (1863-1868гг.) не претерпели существенных изменений. Как отмечала А.А. Комзолова: «К середине 1870-х гг. Северо-Западный край уже не считался в «верхах» «проблемным регионом», требовавшим неусыпного внимания и чрезвычайных мер. После снятия с края военного положения были подвергнуты ревизии те основы «системы» Муравьёва, которые были непосредственно связаны с военно-полицейским управлением...Однако «система» Муравьёва продолжала существовать ещё не одно десятилетие, и вопрос о полном отказе от неё никогда не ставился».<sup>29</sup> Таким образом, созданные М.Н.Муравьёвым механизмы социокультурной

и экономической модернизации оказались устойчивыми и политически актуальными, что и предопределило решающее воздействие политики русификации на формирование этнического самосознания православных белорусов во второй половине XIX- начале XX вв.

### **Итоги.**

Таким образом, в 60-е годы XIX в. *субъектом* национального пробуждения белорусов выступила коронная администрация Российской империи и Русская Православная Церковь, единственные акторы, способные осуществить деколонизацию края путём социально-экономической и культурной эмансипации православного крестьянского населения. Волевым усилием М.Н. Муравьёва, вопреки традиционной имперской практике управления, впервые был осуществлён идеологически обоснованный курс этнополитики, направленной на повышение социального и религиозно-культурного статуса этнического большинства, состоявшего из низших социальных сословий. Инициированная идеологией русского интегрального национализма, указанная система мер, разработанная и осуществлённая графом М.Н. Муравьёвым, продолженная его преемниками генерал-губернаторами К.П. фон Кауфманом и графом Э.Т.Барановым, попечителями Виленского учебного округа князем А.П.Ширинским-Шихматовым, И.П.Корниловым, П.Н. Батюшковым, редактором «Вестника Западной России» К.А.Говорским, поддерживаемые митрополитом Литовским Иосифом Семашко, западнорусской иерархией, клиром и православными братствами, в силу своего широкого социально-экономического и культурно-религиозного диапазона стали программой и практикой *национальной* модернизации белорусов. Объект модернизации – православное белорусское население, рассматривался как составная часть единого русского народа, проживавшего на западных окраинах Российской империи. Поэтому этническое пробуждение православных белорусов, их социальная и национальная мобилизация осуществлялись выше указанным *субъектом* в рамках *общерусского национального движения*, катализатором которого явилось польский мятеж 1863-1864гг.\* Период научных интересов (Фаза **А**) и период патриотической агитации (фаза **В**) оказались для белорусов хронологически совмещёнными в силу чрезвычайных политических обстоятельств. Данные обстоятельства придали динамизм процессам формирования местной западнорусской интеллектуальной, культурной и церковной элиты, результатом деятельности которой стали:

---

\* Польский патриотизм не отказывается от своих притязаний: он считает Польшей все те истинно русские области, где в прежнее время, огнём и мечём и католической пропагандой распространялось польское владычество.... Борьба наша с Польшей не есть борьба за политические начала, это борьба двух народностей, и уступить польскому патриотизму в его притязаниях, значит подписать смертный приговор русскому народу. М.Н. Катков. 1863 год. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в Московских ведомостях, Русском вестнике и Современной летописи. Выпуск первый. М., 1887. С.С.28-29.

- последовательно западнорусский характер учебно-воспитательной и издательской деятельности Виленского учебного округа;
- активизация учительной и душепастырской роли Русской Церкви, деятельность церковно-приходских школ и системы духовного образования;
- учреждение Виленской публичной библиотеки;
- деятельность Виленской Археографической комиссии;
- Основание Северо-Западного отдела императорского Географического общества;
- Издание «Вестника Западной России», «Виленского вестника», «Литовских епархиальных ведомостей».\*

К новой элите, создававшей традицию западнорусской интеллектуальной и культурной деятельности в крае, принадлежали историки М.О.Коялович, Г.Я. Киприанович, П.Д.Брянцев, А.Ф. Ратч, С.В.Шолкович, А.И.Миловидов и многие другие деятели белорусского национального возрождения в его традиционном для эпохи общерусском понимании. Деятельность этой элиты, игравшей ведущую роль в системе светского и духовного образования, в церковной и светской печати, в православных братствах, вошла в историю как *западнорусское* национальное движение, или, если использовать современную терминологию, белорусское интеграционное движение. Так как в этническом отношении, термины русский, западнорусский и белорусский являлись *синонимами*. По своим политическим взглядам это было консервативно-монархическое течение русского интегрального национализма, идеи которого транслировались в среде православного крестьянства, ставшего в Муравьевскую эпоху главной социальной опорой Российской империи в белорусских губерниях.

Таким образом, действие иного, инициированного имперской бюрократией субъекта национального пробуждения и патриотической агитации, осуществлявшего процесс деколонизации края, приводит к необходимости известной модификации приводимой выше схемы М.Гроха относительно истории становления национального движения белорусов и проблем формирования этнического национализма в начале XX столетия.

---

\* Русская пропаганда, действующая через школы, церкви, администрацию, делает своё дело; она возбуждает в массах ясное сознание и убеждение, что здешний край - исконно русский, что здесь колыбель русского государства и Православия, что если губернии около Москвы называются великой Россией, то здешние губернии имеют полное право называться первоначальной древнею Россией. ... Поэтому, все меры, клонящиеся к восстановлению древнего Православия, к восстановлению в народе сознания о его русском происхождении и коренном Православии, конечно сильнее, прочнее и действительнее всяких мер, полицейских и военных...Белорус мало-помалу перестаёт быть быдлом, работающим безответно на пана и жида. Русский язык и русская вера перестают называться холопскими; русского языка не стыдятся как прежде, а польским не щеголяют...Русское образование сильнее русского штыка. И.П. Корнилов Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в Муравьевскую эпоху. Издание второе, проверенное и доп. (посмертное). Вып. первый. СПб.1908. С.с.218-219, 280-281.

В свою очередь методологический подход к трактовке этничности, предлагаемый В.А. Тишковым, даёт возможность дать ответ на вопрос, поставленный в начале статьи. Почему же проект конструирования этничности, выдвинутый группой сторонников этнического национализма в качестве конкурирующего проекту западнорусскому, оказался мобилизационно неэффективным? Если рассматривать этничность в качестве социально-организационного феномена, тогда мобилизационные преимущества западнорусского проекта выглядят следующим образом:

- 1) православное вероисповедание большинства населения, конфессиональная принадлежность которого охранялась законом, т.е. включала в себя элементы предписания и самоопределения;
- 2) западнорусское движение ставило своей целью осмысление этнокультурных и конфессиональных различий между белорусами и поляками в регионе, который стал объектом исторического соперничества государств, идеологий и конфессий. Его характеристики польско-белорусских противоречий служили маркировкой для определения границ между двумя этническими группами.
- 3) В качестве лидеров национального пробуждения белорусов в силу чрезвычайных политических обстоятельств выступили Генерал-губернатор края М.Н. Муравьёв, И.П. Корнилов и митрополит Иосиф Семашко административная и просветительная деятельность которых положила начало этнической мобилизации православного населения края.

В этой ситуации этнический национализм с его католической ориентацией и ведущей идеологической компонентой - абсолютизацией культурно-языковых и этно-конфессиональных различий и конфликтов с великороссами, конструировал новые этнические границы внутри этнической группы русских - белорусов, великороссов и малороссов, *актуальная* потребность в которых, не отвечала на идеологические, культурные, социальные и политические ожидания и потребности основной массы населения.

<sup>1</sup> Каспэ С.И. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. – М., 2001. Сс.133-134.

<sup>2</sup> Геллнер Э. Нации и национализм. - М., 1991. - С.115.

<sup>3</sup> Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-нач. XX вв.) – Т.1. – СПб.,1999.- с.39., Политическая наука. № 4. 2002. С.с.152-153.

<sup>4</sup> Лесік Я. Аўтаномія Беларусі. – Мн., 1917.Сс.5-6; Цвікевич А. Краткий очерк возникновения Белорусской народной республики. Киев., 1918. Сс.1-8.

<sup>5</sup> Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-нач. XX вв.) – Т.1. – СПб.,1999.- с.37.

<sup>6</sup> Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905-1907гг. – СПб., 1910. с.125.

<sup>7</sup> Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. – М., 2000. – С.С. 11, 3, 123.

<sup>8</sup> Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. – М., 2000. – с.120.

9 Атлас народонаселения Западно-Русского края по исповеданиям, составлен при Министерстве внутренних дел, в канцелярии заведующего устройством православных церквей в Западных губерниях. Издание второе, исправленное и дополненное. СПб. 1864.

<sup>10</sup> Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ) Ф.136. оп. 1, д.31411. л.1.

<sup>11</sup> Гильфердинг В.Ф. В чём искать разрешение польскому вопросу. // Сборник статей разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Выпуск I-й. Составил и издал С. Шолкович. Вильна. 1885. С.34-35.

<sup>12</sup> Каспэ С.И. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. – М., 2001. С.123.

<sup>13</sup> Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-нач. XX вв.) – Т.1. – СПб., 1999. – Сс.40-41; Капелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. – М., 2000. – с.177.

<sup>14</sup> Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1898г. – СПб., 1901. с.34.

<sup>15</sup> Российский государственный исторический архив (РГИА), ф.821, оп.10, д.64, л.л. 7,15.

<sup>16</sup> Хрестоматия. Православие и католичество: от конфронтации к диалогу. Составитель А. Юдин. – М., 2001. С.76.

<sup>17</sup> А.И. Миловидов. Заслуги графа М.Н. Муравьёва для Православной Церкви в Северо-Западном крае. – Харьков., 1900. с - 34.

<sup>18</sup> Эткинд А. Русская литература, XIX век: Роман внутренней колонизации. Новое литературное обозрение. № 59. 2003. С.с. 108 – 112.

<sup>19</sup> Беднов В.А. Православная церковь в Польше и Литве (По Volumnia Legum). – Мн., 2002. С8-9.

<sup>20</sup> Смолич И.К. История Русской Церкви. – Т. VIII, ч.2. – М., 1997. – С.с. 332-333.

<sup>21</sup> Сталюнас Д. Границы в пограничье: белорусы и этнолингвистическая политика Российской империи на западных границах в период великих реформ. – *Ab imperio*. 2003. №1. С.279-280.

<sup>22</sup> Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.(ОР РНБ) Ф.629. д. 186. Лл.1-55; Сидоров А.А. Польское восстание 1863 года. Исторический очерк. – СПб., 1903. С.228; Мосолов А.Н. Виленские очерки 1863-1864 гг. (Муравьёвское время). – СПб., 1898. С.27; Брянцев П.Д. Польский мятеж 1863г. Вильна. 1892. С. 263.

<sup>23</sup> Литвинов Н.Д., Литвинова А.Н. Антигосударственный террор в Российской империи. Исторический очерк. Новый мир., № 11, 2003., с.129; Мосолов А.Н. Виленские очерки 1863-1864 гг. (Муравьёвское время). – СПб., 1898. С.8., Граф М.Н. Муравьёв. Записки о мятеже в Северо-Западном крае 1863г. Русская старина. № 11. 1882. С.с. 422-423. **Дневник П.А.Валуева министра внутренних дел в двух томах. Т.1. 1861-1864. М.1961. С.221.**

<sup>24</sup> **Архивные материалы Муравьёвского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863-1864гг. в пределах Северо-Западного края. В 2 ч. Ч.2. Переписка о военных действиях с января 10-го 1863 года по 7-е января 1864 года. Сост. А.И.Миловидов. – Вильна, 1915. С.LIV.**

<sup>25</sup> Каспэ С.И. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. – М., 2001. Сс.122-124.

<sup>26</sup> Каспэ С.И. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. – М., 2001. с.151.

<sup>27</sup> Политические записки графа М.Н. Муравьёва. Русский архив., № 6, 1886., Сс. 187-199; Граф М.Н. Муравьёв. Глава III. Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нём польского мятежа 1864-1865гг. – Русская старина. №1. 1883. С.с.134-139., Миловидов А.И. Заслуги графа М.Н.Муравьёва для Православной Церкви в Северо-Западном крае. – Вильна., 1900. Сс.1-3; А.И. Миловидов. Участие молодёжи Северо-Западного края в мятеже 1863г., и вызванная им реформа местных учебных заведений. (по архивным материалам). Вильна., 1904. Сс.13-27., Миловидов А.И. К 50 – летию освобождения крестьян Северо-Западного края. Вильна. 1911. С.с. 45-49. «Муравьёв». Энциклопедический словарь. Репринтное воспроизведение Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб., 1897. С.с.190-191., И.П. Корнилов Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в Муравьёвскую эпоху. Издание второе, проверенное и доп. (посмертное). Вып. первый. СПб.1908. С.с.82-86.

<sup>28</sup> **Дневник П.А.Валуева министра внутренних дел в двух томах. Т.1. 1861-1864. М.1961. С.284, 414-415.**

<sup>29</sup> **Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в 1860-1870-х годах: «система М.Н.Муравьёва и её дальнейшая судьба. // Отечественная история, №4, 2004. С.76.**